

Открыв дверь, я почувствовал неприятный запах гнилых овощей. Я снял рубашку и носки, чтобы закинуть в стиральную машину, и в гостиной увидел свою маму, уснувшую с диванной подушкой под головой. Везде была разбросана арахисовая шелуха, а ликёр из опрокинутого стакана растёкся по всему столу и капал на пол. Вокруг лампы кружили мотыльки, а по телевизору шли новости. Я снял скатерть и вытер со стола, бумажными салфетками несколько раз обмакнул пятна на ковре. Пока я ходил туда-обратно от кухни до гостиной, мама и не собиралась просыпаться. Сколько я ни тёр, столешница оставалась всё такой же липкой, поэтому я в конце концов сдался. Открыв холодильник, я увидел кочан капусты, который уже начинал чернеть и спасать который было уже слишком поздно, ещё неделю назад просроченные яйца и открытую банку фасоли. Когда я размораживал на сковороде кусок мороженой свинины и нарезал овощи, мама наконец проснулась и нетрезвым голосом позвала: «Воды, прошу». Я налил в кружку холодной воды и отнёс ей. Она села, залпом всё выпила, извинилась и снова повалилась на диван. После ужина, когда я мыл посуду, она зашла на кухню и встала рядом, не пытаясь помочь, и просто сонно смотрела на моё лицо. Спустя секунд тридцать она наконец заметила изменения, произошедшие с её сыном. «Ох, твоё лицо...»

«Ага, – ответил я, – когда я встал сегодня утром, её не было». Она подошла ближе и детально рассмотрела меня. Возможно, она подозревала, что я скрыл родинку косметикой.

После тщательного осмотра она радостно похлопала меня по спине. «Ну разве это не чудесно? Лечение всё же подействовало. Все эти походы в больницы стоили того». Не будь душой, подумал я про себя, это не какой-нибудь прыщ или веснушки. Все доктора, которых мы посещали, недовольно хмурились и намекали, что мне нужно смириться и жить с этим. Они говорили нам, что, даже если мне пересадят здоровую кожу, пятно с большой вероятностью снова появится в том же месте. И когда оно исчезло без следа за одну ночь, ты называешь это "лечение всё же подействовало"? «Ты не думаешь, что это странно? – спросил я. – В последний раз мы были у дерматолога больше двух лет назад». «Да-да. Это крайне необычно. Я была бы уверена, что это эффект от терапии, если бы она зарастала в течение долгого времени. Но то, что она пропала за ночь – ненормально. Может, нам стоит назвать это чудом». Мама сделала глоток из своей кружки и закинула в рот три орешка. «Но, Ёсуке, теперь ты должен забыть об этой родинке. Когда случается такая огромная удача, нужно просто позволить всему идти своим чередом. Говори, мол, просто повезло, ничего особенного».

Я почувствовал, что в этом есть доля правды. Но это касается только тех случаев, когда не знаешь, откуда взялась эта удача. Источник же моей был предельно ясен. «Тебе следует показать, как ты этому рад. Не бойся, что, если начнёшь преждевременно праздновать, позже разочаруешься. Празднование с осознанием возможного разочарования – это умный поступок». Вместо ответа я указал на её чашку: «Разве ты не собиралась бросить пить к июлю?» «Это вода, – пыталась она обмануть, – просто вода». Я забрал кружку и глотнул её содержимое. Горло обожгло, а во рту отдался привкус картофеля. Мне смутно захотелось блевать. Вот честно, разве это вкусно? «Что за непоседливый сын», – отругала меня мать, вновь наполняя чашку ликёром. «Это просто вода», – настоял я. Я лежал на боку с закрытыми глазами, но проблески событий последних нескольких часов не давали мне уснуть. Я пошёл в гостиную, достал из второго снизу ящика комода пачку сигарет и вернулся к себе. Выключив свет, я закурил. Не дожидаясь, пока дым заполнит комнату, я открыл окно, высунул наружу голову и вдохнул запах влажного грунта. Лицо Хаджикано вспыхнуло у меня перед глазами. На нём был огромный синяк. Сине-чёрная отметина, вылитая моя родинка. Я решил не думать о том, как это произошло. Может, естественным путём, может, нет. Не сказать, что я не делал никаких предположений... но простые размышления не могли дать исчерпывающего ответа. Единственное, о чём стоит думать, так это о том, что по некоторой причине это пятно у неё появилось. Я мог точно сказать, что Хаджикано пыталась умереть в том парке. Это родинка подвигла её на подобные действия? Она была настолько зациклена на своей внешности, что решила повеситься? Со всей скромностью, Хаджикано была воистину одна из красивейших девушек города. Все желали её, все оберегали её, все ей завидовали. Она

должна была хотя бы немного осознавать это. Она не была равнодушна к нежным чувствам. Она не могла не знать, что её красота искажала сам смысл слова "красота", в разы его превосходя. Что она почувствовала, когда её красота исчезла? Я не мог этого даже вообразить. Если сравнить моё родимое пятно с пятном на ковре, её же будет пятном на белоснежном платье. Одинакового цвета и размера, они имели совершенно разные значения. Психологическое воздействие второго несравнимо с воздействием первого. Мысль, что Хаджикано потеряла веру в собственное будущее, вполне обоснована. С другой стороны, я чувствовал, что где-то ошибся. Совершила бы Хаджикано самоубийство только из-за этого? Красота была лишь частью её очарования. С тех пор, как познакомился с ней, я знал, что она многое понимает, особенно для младшеклассницы. Её слова источали мудрость, она была прилежной и даже достаточно спортивной. Она прочитала множество книг и слушала музыку, которая была старше её родителей. Она была как минимум раз в двадцать лучше меня.

Неужели кто-то вроде неё решит умереть просто из-за того, что его красота перестала что-то значить? Я решил, что пойду искать Хаджикано завтра после школы. О чём бы я ни задумывался, мне не хватало информации. Когда мы встретимся и поговорим, всё разъяснится, и мы сможем выбрать, в каком направлении действовать дальше. Мне было неловко, но часть меня ликовала при мысли о встрече с Хаджикано. Несмотря на то, как это произойдёт, я должен снова стать частью её жизни. В день выпуска из младшей школы я думал, что быстро забуду её, когда наши пути разойдутся. Тем не менее, срывая покровы теперь, я обнаружил, что мои чувства за эти три года стали только сильнее. На самом деле я всё время ждал, когда наступит этот день. Я затушил сигарету и снова пошёл в гостиную, чтобы выкинуть её. Затем я опустил на колени перед зеркалом на комоде и проверил лицо. У людей, которые ничего не имеют, есть один плюс: им нечего терять. Как только приобретаешь нечто ценное для себя, начинаешь бояться это потерять. Например, страх терзал и меня. Страх появления родинки и возвращения к прежней однообразной жизни.

□

На следующее утро я пришёл к классу 1-3 и застыл снаружи. Я никогда не любил открывать классную дверь. Эта особенность с возрастом стала только ярче. Всё вполне могло измениться за одну ночь. И я увижу все эти изменения, когда откроется дверь. То, что было спокойным вчера, может обернуться болью; те, кто вчера находились в центре внимания, могут стать изгоями; вчерашние добрые знакомые уже сегодня могут подставить... Короче говоря, то, что было таким вчера, не обязательно останется таким сегодня. Поэтому, каждое утро вставая у двери, я будто находил камень на побережье. Он может скрывать в себе ракушки, сверкающие подобно драгоценному камню, а может быть облеплен морскими паразитами. Сделав глубокий вдох, я открыл дверь. Я не увидел Чигусы, но Нагахора заметил меня и подманил к себе. Я кивнул, положил сумку на парту и подошёл к нему. В его компании, не считая его самого, было две девушки и трое парней, которые болтали и смеялись. Видимо, он хотел предложить мне присоединиться к ним. Я знал, что он делает это с добрыми намерениями, но в глубине души понимал, что мне это надоело. Как минимум мне не нравилось разговаривать со столькими людьми сразу. «Фукамачи, так? – сказала одна из девушек, высокая и с резкими чертами лица. Твои ноги в порядке? Поговаривают, что ты долгое время лежал в больнице». «Они уже полностью здоровы, – ответил я. – Я достаточно восстановился к концу июня. Я просто ждал, пока пройдут экзамены». Все пятеро рассмеялись, а Нагахора ткнул меня в плечо: «Неплохо, чувак!» «Мы обсуждали проверку на смелость, – сказал смуглый парень с короткой стрижкой, который и был по-настоящему похож на бейсболиста. – Слышал о заброшенной гостинице у подножия горы?» «А, Развалины с красной комнатой, да?» – выпалил я, и все смолкли. Я сказал что-то глупое? Я занервничал. «С красной комнатой?» – переспросил Нагахора. «Ага. В глубине

гостиницы есть красная комната». «Впервые слышу... – в отличие от предыдущей девушки, эта была низкая, а на округлом лице за очками сверкали глаза. – Что там с ней?» «Это не особо интересно. Просто комната, в которой кто-то красным баллончиком раскрасил угол. Немного неожиданно наткнуться на него в темноте, но что есть, то есть – просто красная комната». «Ты уверенно рассказываешь об этом, – вставил стриженный парень. – Ты там был?» Я немного колебался, но решил ответить честно: «Да. Мы с другом ходили туда в средней школе». «Я хочу узнать больше», – попросила девочка в очках. «В центре комнаты стоял стул, на нём сидел манекен, – постепенно я разговорился, будто это родинка мешала мне нормально вести беседы. – Видимо, кто-то периодически приходит его переодевать, поэтому он то в форме Первой старшей, то в матроске». Коротко стриженный парень хлопнул в ладоши: «Звучит круто! В этом есть свой элемент неожиданности!» «Это не всё, – продолжил я, увидев их реакцию. – В следующей комнате стоит старая, но вполне чистая кровать, а вокруг неё валяется куча шуток, которые вряд ли хоть раз вскрывали».

Парни повеселели, а девочка в очках сдвинула брови, но особо не возмущалась. Высокая девушка, казалось, была единственной, кто не понял. «Что валяется?» – наивно спросила та.

«Ну, это явно не печенье или лотерейные билеты... – тихо заговорил второй парень, блёклой и самой обычной наружности, который до этого не раскрывал рта. – И не леденцы».

«Я не догоняю. Ты надо мной смеёшься?» – посмотрела на него она. «Ночью, – сказал Нагахора. – Я не могу больше ждать. Ночью мы пойдём и посмотрим на это. Фукамачи, будешь нашим проводником». «Ночью? – переспросил я. – Ой, простите, но сегодня после школы...»

«Эй, а разве там не Фукамачи зовут?» – девочка в очках приложила ладонь к уху. Мы все вдруг замолкли. Моё имя в самом деле повторяли по школьной радиосвязи. «Это голос Касая», – сказал парень с блёклой внешностью. «Прямо на самом интересном месте, – вставила девочка в очках. – Увидимся, Фукамачи». Нагахора спросил мне вслед, когда я уходил: «Ты не сможешь этой ночью пройти с нами проверку на смелость?» «К сожалению, – подтвердил я. – Однако без сопровождающего в ней будет больше смысла». Покинув класс, я с облегчением положил руку на грудь. Сегодняшний камень тайл в себе скорее ракушки, чем паразитов.

□

«Ты знаешь, почему я тебя позвал?» За всю свою жизнь я, должно быть, слышал подобную фразу как минимум раз тридцать. «Как ты думаешь, зачем я позвал тебя?» «Ты знаешь, что я собираюсь сказать, верно?» «Ты можешь сам сказать, что сделал неправильно?» Интересно, откуда все учителя знают эти обходные речевые обороты? Они их заранее проговаривают, или отчитывать учеников похожими фразами вполне естественно? В отличие от вчерашнего дня, сегодня Касай был холоден и безразличен ко всему. Он сидел, положив локоть на стол и опёршись подбородком на руку, и щёлкал ручкой с нервозностью заядлого курильщика, который весь день не держал во рту сигареты. «Я не знаю», – ответил я. Я не мог понять, почему именно, но Касая я раздражал. Лучше будет не говорить много и просто наблюдать. «Ясно, – он опустил голову будто в разочаровании, повернувшись на стуле лицом ко мне. – Но попробуй подумать ещё немного. Я бы не позвал тебя без причины, так? У меня нет времени на подобное». «Тогда, пожалуйста, просто скажите мне. Я говорю, что не знаю, и я никак вдруг не узнаю этого. Лично я не припоминаю ничего, за что меня следовало бы винить». По утрам в учительской сновало множество людей, и некоторые исподтишка смотрели на то, как я стоял перед Касаем, обращая в его сторону беспокойный взгляд. Подобное сложно назвать подходящей ситуацией. Мне хотелось бы разобраться с этим, пока никто из моих одноклассников не увидел меня. «Полагаю, это не так уж и странно, – Касай глотнул кофе из кружки. – Хорошо, я ускорюсь. Ты знаешь, кто сидит впереди тебя на соседнем ряду?» Он сказал, что ускорится, но по-прежнему задавал наводящие вопросы. Но

на этот я мог ответить. Я вспомнил вчерашнюю рассадку класса. Нагахора сидел передо мной, Чигуса по правую руку, а место между ними пустовало. «Не знаю. Кто бы это ни был, вчера его на уроках не было». «Да, – кивнул Касай. – И, по-видимому, сегодня тоже. Мы звонили её родителям ранее». Я не понимал, что происходит. Какое отношение ко мне, тому, кто вчера в первый раз пришёл в школу, имеют прогулы этого ученика? «И?» – не утерпел я.

«Так ты даже не знаешь, что... – Касай выглядел озадаченным; он почесал затылок и вздохнул. – Недавно она высказала неожиданную просьбу. "Переведите меня в другой класс, почему – не важно". "Я не могу назвать причину, но позвольте мне покинуть класс". Конечно же, мы не должны удовлетворять пожелания каждого студента. Если мы сделаем одно исключение, то будем вынуждены сделать другое и, в итоге, будем стелиться перед каждым. Поэтому мы попросили её обождать год. И, кажется, она согласилась». Сказав это, Касай внимательно посмотрел на меня, будто ждал, что я в чём-нибудь расколуюсь. «Но сегодня утром нам позвонили, и мы наконец узнали причину того, почему ей столь отвратителен этот класс, и почему она не возражала до недавнего времени». Я молча ожидал итога. «Судя по словам её матери...» – Касай наконец дошёл до главного. «Юи Хаджикано отказывается находиться в одном классе с Ёсуге Фукамачи». Мне катастрофически стало не хватать воздуха. «Что ты ей сделал?» Еле слышно закашлявшись, я начал хватать затхлый воздух учительской, но через некоторое время мне удалось произнести: «Хаджикано Юи? Хаджикано Юи в классе 1-3?» Касай фыркнул. Он, наверное, решил, что я пытаюсь притвориться невиновным. «Ты должен был получить список ещё в апреле. Ты ни разу в него не заглянул? У тебя было достаточно времени в больнице для этого». У меня в голове крутилась парочка догадок, но опасаясь, что они всплывут на моём лице, я просто сказал: «Так она...» «Что? – немедленно надавил он. – Позволь мне спросить снова: ты знаешь, почему Хаджикано хочет держаться от тебя подальше?» В памяти непроизвольно всплыли события прошлой ночи. Длинная каменная лестница, заброшенный прихрамовый парк, качели, стопка книг, натянутая верёвка и родимое пятно на её щеке. Подумав о родинке, я забыл вовремя ответить. Касай не упустил этого. После этой секундной паузы он понял, что некоторые соображения у меня всё же имелись. «Я бы предпочёл узнать об этом сам, – сказал я как можно естественней, – я не пересекался с Хаджикано после поступления в среднюю школу. В младших классах мы недолго были вместе, но, думаю, мы считали друг друга хорошими друзьями. Без понятия, почему она меня избегает». «Тогда как ты объяснишь её прогулы?»

«Я не знаю. Пожалуйста, спросите её сами». Касай прижал ручку к виску. «Я знаю, что копаться в прошлом не особо честно, но... Я знаю, сколько неудобств ты причинял в средней школе, поэтому у меня нет выбора, кроме как копнуть глубже. Ты понял?» Ага. Так поэтому он так уверенно держался. Наверняка он напридумывал себе что-то о том, как я и мои друзья издевались над Хаджикано в младшей школе, и о чём-то в этом духе. «Я понимаю, о чём вы. Вполне разумно подозревать меня, – частично согласился я. – Однако, что до этого, то я настаиваю, что это, должно быть, какая-то ошибка. Пожалуйста, спросите об этом Хаджикано». «Конечно, так и сделаем». Как только беседа себя исчерпала, прозвенел звонок на урок. «Можешь идти, – разрешил он мне, – хотя я считаю, что мне стоит поговорить с тобой ещё раз позже». Я молча повернулся и вышел из учительской. Когда я вернулся на место, Чигуса посмотрела на меня так, будто собиралась что-то сказать. После разговора с Касаем я был готов ко всему. Может, ей тоже есть в чём меня обвинить.

«Утречка», – попытался отвлечься я. «Доброе утро», – кивнула она. Какое-то холодное приветствие. «Эм, спасибо за вчерашнее», – с опаской сказал я. «Не стоит благодарности», – механически ответила она. Повисла напряжённая тишина. Я даже подумал, что беспочвенный слух о том, что я издевался над Хаджикано, как-то просочился наружу. Затем я решил, что нечаянно расстроил Чигусу, и начал прокручивать в памяти разговоры с ней, как вдруг она равнодушным голосом произнесла: «Фукамачи, кажется, ты уже чудно развлёкся сегодня». Видимо, она имела в виду мой разговор с Нагахорой и его друзьями о тех развалинах, прежде чем Касай вызвал меня в учительскую. Его расспросы

напрочь согнали всю ту лёгкость, что я ощущал до этого. Я вдруг понял причину её угрюмого настроения. Скорее всего, ей не нравились приятели Нагахоры или то, что они собираются вместе. Я был уверен, что не особо горю желанием стать частью этой компании.

«Мы говорили о разрушенной гостинице, – пояснил я. – Они собираются сходить туда, чтобы испытать свою смелость. Я рассказал им, что делал нечто подобное в средней школе, и как это всё выглядит, и они прямо-таки загорелись этой идеей». «Ты идёшь с ними?»

«Неа. Они меня звали, но у меня есть дела после школы». «Ясно». Она прочистила горло. «Эмм, Фукамачи, давай сначала?» Я в недоумении наклонил голову. Чигуса сказала: «Фукамачи, доброе утро», – и мягко улыбнулась. А, понял. «Эм, спасибо за вчерашнее», – сказал я снова. «Не стоит благодарности, – её глаза довольно засияли. – Прошу, не бойся полагаться на меня». «Конечно. Кстати... – я указал на пустующее место по диагонали от меня, – это парта Хаджикано?» Чигуса прикрыла глаза, а затем кивнула.

«Да, это её парта, но тебе ещё предстоит... – она умолкла и подняла взгляд. – Ты знаешь её?» «Ага. В младшей школе мы учились в одном классе». «Правда?» Чигуса проследила, как изменилось моё лицо, и задумчиво кивнула. «Если так посмотреть, то не похоже, что вы были только одноклассниками». «Неа, – я слабо мотнул головой, – просто одноклассники». Я вообще не понял, о чём были первые несколько уроков. Я глядел в свою пустую тетрадь и представлял разговор с Касаем. Чигуса разговаривала со мной на каждой перемене, но я с неохотой отвечал ей. На третьем уроке, который должен был проходить в спортзале, я заговорил с Нагахорой в раздевалке: «Слушай, я хотел спросить о девочке, которая сидит рядом с тобой...» «Рядом со мной... Юи Хаджикано? – переспросил он, расстёгивая рубашку. – Девочка с большим синяком на лице?» «Синяком?» – повторил я, не задумываясь. Это было неожиданно. Если Нагахора знает о синяке, то он, вероятно, появился несколько раньше. «Так что насчёт Хаджикано?» «Ох, она просто старая знакомая». «Хммм, – он снял рубашку и вместо неё надел футболку. – Тогда в чём вопрос?»

Я задумался на секунду, и спросил: «С каких пор у неё этот синяк?» «С каких пор? – он замолчал, чтобы поразмыслить. – Не знаю. Когда я её встретил, он уже был». «Ясно... Спасибо». «Пожалуйста», – кивнул Нагахора. Если он сказал мне правду, то родинка появилась на лице Хаджикано в апреле. Я запутался ещё сильнее. Стоит попытаться разложить всё по полочкам. Хаджикано, как мне сказали, не хочет встречаться со мной. И сегодня утром подобное не стало неожиданностью: с недавних пор – возможно, тогда, когда она узнала, что будет в одном классе со мной – она периодически просила об этом Касая. Следовательно, то, что Хаджикано избегает меня, и события прошлой ночи никак не связаны. Она не злилась на меня за прерванное самоубийство и не боялась взглянуть мне в глаза после того, как я стал свидетелем столь позорного поступка. Тогда за что же Юи Хаджикано невзлюбила Ёсуге Фукамачи? Не имею понятия, хотел бы я сказать, но у меня была одна теория. Не являются ли родинка Хаджикано и та, что исчезла с моего лица, одной и той же? Возможно ли, что её красота является залогом в моём споре? Если подумать, та женщина назвала его "пари", но ставки озвучены не были. Но что, если она получила "плату" без моего ведома? И что, если взяли её не прямо через меня, а косвенно, через Хаджикано?

И что произойдёт, если Хаджикано обнаружит, что является лишь частью нашего пари?

Но всё это было лишь моей фантазией. В конце концов, её родинка появилась до того, как сошла моя. Моя теория имеет место быть, только если одно из следующих высказываний истинно: 1. Женщина из телефона перемотала время, чтобы взять залог. 2. Женщина из телефона знала, что я приму вызов, задолго до него. И на этом моменте моя теория разваливалась на куски. Но опять же, о какой "логике" может идти речь, когда с моего лица сошла родинка, которая никак сойти не могла? Глупо ожидать связности в событиях, которых коснулось наше пари. Наверное, если я оценю её действия и попытаюсь понять, "что она, скорее всего, предпримет", я раньше приближусь к истине. Поэтому я попытался представить. Однажды ночью Хаджикано куда-то идёт в одиночестве и слышит звонок из телефона-автомата. Она поднимает трубку, которая будто бы притягивает её к себе, и слышит

женский голос: «Я забираю твою красоту в качестве залога для пари с Ёсике Фукамачи». Хаджикано хмурится, посчитав это грубой шуткой, и обрывает разговор. На следующее утро она замирает перед зеркалом. На её лице – она предчувствовала это – появилась омерзительная отметина. Она трёт её с мылом, но та не смывается. Тем же днём она, взволнованная после посещения врача, получает второй звонок. Та женщина сообщает ей: «Эта родинка раньше принадлежала Ёсике Фукамачи». Меня охватили сомнения насчёт того, чем был мотивирован этот поступок. Я поставил себя на место той женщины и пришёл к достаточно убедительному заключению. Вероятно, она пыталась что-то проверить. Например, буду ли я относиться к Хаджикано, утратившей свою красоту, так же, как и она ко мне когда-то. «Фукамачи, – Чигуса толкнула меня в плечо, – ты ещё долго будешь залипать?» Ко мне вновь вернулось ощущение реальности, а вместе с ним и царящая в кабинете суматоха. Незаметно для меня наступила большая перемена. «Не, – ответил я и слегка потянулся, откинувшись на спинку стула, – я уже всё». Чигуса усмехнулась и наклонилась к моей парте. Когда мы поели и немного поболтали, из магазина вернулся Нагахора, и, обронив: «Я не помешаю?» – пододвинул к нам свой стул. «Да ты уже мешаешь», – сказала Чигуса, но всё же отодвинула коробку с остатками обеда, чтобы ему было куда пристроиться. Они поладили.

Когда мы все втроём покончили с едой, Нагахора произнёс:

«Вам не кажется, что сегодня несколько оживлённо?»

«Серьёзно?» – удивилась Чигуса и осмотрелась.

«Фукамачи мог и не заметить, потому что второй день как в школе, но сегодня все немного взвинчены. Скоро будет одно важное событие».

Я задумался над тем, какие в июле проводятся мероприятия.

«Событие... А, ты о спортивном турнире в субботу?»

«Да, и это тоже. Но сейчас я не об этом».

Чигуса ответила за меня: «Скоро объявят результаты Мисс Минагисы». «О, ясно», – кивнул я. Я совершенно забыл о существовании подобного соревнования. «В этом конкурсе красоты могут выбрать любую ученицу. Впечатляет, что его продолжают проводить ежегодно».

«Кстати, я проголосовал за Огиэ», – невзначай вставил Нагахора. «Да мне плевать».

Чигуса уставилась на него, но он не уделил этому внимания и обратился ко мне.

«Фукамачи, а за кого бы ты отдал свой голос?» Я оглядел класс, а затем вновь обратил взгляд в сторону Чигусы. «Посмотрим... Скорее всего, я бы тоже проголосовал за Огиэ».

Пока мы исключаем Хаджикано, мысленно добавил я. Нагахора закинул на меня руку и самодовольно посмотрел в сторону Чигусы: «Видишь?» «Почему именно я?» – спросила она, а её щёки слегка порозовели. «Ты похожа на хорошего пловца», – откликнулся я.

«Что это значит?» «Это значит, что ты также самая милая», – объяснил ей Нагахора.

«Ну... Спасибо», – вздохнула она. Так повелось, что на летнем фестивале, который проводится с 26-го по 28-е августа в Минагисе, в ночь второго дня победительница "Мисс Минагисы" рассказывает городскую легенду о русалке и поёт так называемую "Русалочью песню". Эта роль считается главной на фестивале, и, чтобы её получить, вы должны быть необрученной девушкой, родившейся в Минагисе. Её ежегодно избирают среди учениц

Первой Старшей Минагисы... и поскольку в сельском городишке вроде нашего не быть обручённой довольно постыдно, все остальные шарахались от этой роли как от чумы. Стать Мисс Минагисы означало крикнуть миру: «Я не обручена!» К тому же, многие сказки о русалках имеют печальный конец, и эта не исключение. Поэтому эта роль резко снижала шансы девушки на замужество. Если попроще, то легенда о русалке Агохамы была похожа на сказку о Яо Бикунни, которую рассказывают в префектуре Фукуи и "Русалочку" Ганса Христиана Андерсена одновременно. В "Яо Бикунни" говорится о девочке, которая съела мясо русалки и, став бессмертной, скиталась по земле в течение восьмисот лет. Русалочка же всплывает на поверхность моря в свой пятнадцатый день рождения и влюбляется в человека. А "Русалка Агохамы"... основана на том, что произошло бы, будь на месте ведьмы из "Русалочки" Яо Бикунни. Что интересно, если записи не врут, "Русалка Агохамы" появилась на два столетия раньше "Русалочки". И опять же, если сравнить эти две истории, первая расскажет, как всё выглядело со стороны ведьмы, а не русалки. Именно поэтому в Минагисе безуспешно пытаются привлечь туристов, строя повсюду статуи русалок и называя город "русалочьим". Но я ни разу не видел здесь хоть какого-нибудь количества приезжих. Легенда рассказывает, будто бы перед смертью Яо Бикунни вернула себе облик пятнадцати-шестнадцатилетней девушки. Русалочка влюбилась в человека в свой пятнадцатый день рождения. Это ещё одна причина выбрать на роль русалки Агохамы старшеклассницу. Мне показалось, что титул Мисс Минагисы больше подходит Чигусе, потому как ореол невезения, которым она была окружена, хорошо сочетался с трагической натурой русалки. Естественно, я не говорил ей этого в лицо. Скорее всего, ей не будет приятно получить подобный комплимент. Нагахора заметил верно: в конце обеденного перерыва по школьной радиосвязи объявили результаты выборов Мисс Минагисы. Голос после небольшого вступления назвал имя победительницы.

«Чигуса Огиз из класса 1-3». Лицо Чигусы застыло. На мгновенье в кабинете воцарилась тишина. Но в неё вдруг врезались аплодисменты Нагахоры. Большая часть класса, ведомая его действиями, сделала то же самое. Казалось, каждый в глубине души радовался её победе, настолько эти аплодисменты были громкие. Они выбрали её не чтобы насолить. Хотя и я оказывался в центре внимания не по злому умыслу, пришло мне на ум. Нет, они все проголосовали за неё, поняв, что Чигуса, прекрасная, но немного невезучая, является лучшей кандидаткой на роль печальной героини. То же увидели в ней я и Нагахора. Сама же Чигуса посреди всего этого шума склонила голову и побледнела. Мы окликнули её несколько раз, но она не ответила. Я решил подойти с другой стороны. Мы обычно звали её Огиз, а я называл её Чигусой. Она вдруг подняла глаза на меня. «Прости, я была немного ошарашена. Всё в порядке». «Если не хочешь выступать перед толпой, ты можешь отказаться. Никто не будет винить тебя», – сказал я ей. «Мне не трудно. Я просто удивилась, вот и всё». «Не нужно волноваться, – игриво вставил Нагахора, – если ты не захочешь, я тебя заменю». «Что-то ты не похож на незамужнюю девушку», – ответила она, страдальчески улыбнувшись. Но благодаря ему ей немного полегчало. Остаток дня Чигуса, казалось, была далеко отсюда. Во время занятий она была невнимательна, и всё время смотрела в окно с хмурым выражением лица. К концу шестого урока она так и не пришла в норму. Когда же я сказал ей: «Что ж, увидимся завтра», – она встряхнулась, будто возвратилась к реальности, но затем лишь натянуто улыбнулась и помахала рукой: «Да, увидимся». В тот раз я решил, что ей поплохело от мысли, что придётся выступать перед людьми. Но чуть позже мне стало ясно, что я ошибся, но ничего уже не мог с этим поделать. Мысль о том, что я смогу в полной мере представить, каково ей было, в самом деле была на грани абсурда. Да, Чигуса так побледнела не только от того, что её избрали на пост Мисс Минагисы. На это повлияло столько всего, о чём я на тот момент даже не подозревал. Подсказки были разбросаны повсюду, но у меня не было достаточно времени, чтобы уделить каждой достаточно внимания.

Курение на самом деле сильно ездит по нервам. Необычайно трудно найти место, где вас никто не увидит, даже несмотря на небольшое население – такова сущность сельских городов. Люди настолько изголодались по чему-то неожиданному, что проводят дни напролёт, сидя у окна и наблюдая за прохожими, и радостно выбегают на улицу при виде малейших изменений. И как только выскочит один человек, остальные почуют, что грядёт нечто интересное, и начнут подтягиваться один за другим. И тогда вы проведёте незабываемые несколько часов посреди шумной толпы, не до конца уверенные в том, реально ли всё это или просто какая-то ошибка. Я затушил ногой сигарету и, выйдя из общественного туалета, в котором ужасно сильно воняло аммиаком, вдохнул полную грудь свежего воздуха. Асфальт под ногами источал удушливый запах, а придорожные заросли пахли чем-то приторно-горьким. Я стёр пот, стекающий по щеке, и продолжил искать дом Хаджикано. Я помню звук дождя. То был не абы какой дождик, а такой, в который вымокнешь до нитки, даже если возьмёшь с собой зонтик. Впервые я пришёл к ней домой в похожий дождь в середине июля, которая прославилась своей переменчивой погодой. В тот день случился сильный шторм, ставший неожиданностью даже для метеорологов. Ленивые люди вроде меня, которые не хотели каждый раз таскать зонты из дома, просто оставляли их в школе, но таковых было немного, поэтому большая часть учеников была вынуждена ждать родителей. Хаджикано, как правило, уносила все свои вещи домой, так что она оказалась в числе последних. Но когда она обнаружила, что у меня есть зонт, она стала повторять: «Я точно была бы счастлива, если бы кто-нибудь проводил меня домой... Стоять здесь два часа, пока папа не приедет, очень скучно!» Поэтому я решил довести Хаджикано до дома. Большинство мальчишек отчаялись пойти домой и отправились в спортзал; большинство девочек разбрелись по группам и болтали; те, у кого не было друзей, смылись в библиотеку; а те, что с шилом в заднице, босиком носились по мокрому полу. Но из всех этих людей только я и Хаджикано направились к выходу. В тот раз, что довольно нечасто происходило, мы... не то чтобы подрались, но немного повздорили, и оказались в ситуации, когда заговорить друг с другом было сложно. Я долго злился на неё, прежде чем простить, но всё же искал путь к примирению. Думаю, она находилась в похожем положении. А затем начался ливень. И, когда я смотрел в окно, Хаджикано подошла ко мне чуть ближе, чем всегда. «Прогноз соврал», – сказала она. «Сегодня я наконец вспомнил, что нужно взять зонт», – ответил я. Пару минут спустя мы уже находились на обычном расстоянии друг от друга. Мы вышли из школы, и я открыл зонтик. Хаджикано шмыгнула под него и рассмеялась, будто ей было щекотно. Только мы вышли из-под козырька, крупные капли дождя застучали по зонту. Вода окатывала наши ноги при каждом шаге, и каждый порыв ветра наклонял зонт и стряхивал с него воду. По дороге, на которой среди возвращающихся домой школьников обычно было не продохнуть, шли мы одни. Если бы не дождь, думаю, мы бы помирились гораздо позже. Время от времени её левая рука касалась моего бока, но сильнее всего запомнилось ощущение хлюпающей воды в ботинках. Я ещё не мог нормально заговорить с Хаджикано, но тогда почему-то думал о цикадах. Куда они деваются во время ливней? Конечно, я не знал этого и о воробьях, бабочках, кошках и медведях, но больше всего я беспокоился за цикад. Каково им, когда целый день их жизни оказывается испорчен дождём? Они ведь живут даже меньше месяца. Было уже три часа дня, а видимость оставалась настолько плохой, что проезжающие мимо велосипедисты были вынуждены включать ближний свет. Подниматься и спускаться по склону было терпимо, но когда мы вышли на ровную дорогу, не прошло и пяти минут, как нас три раза окатило водой из-под колёс проезжающих мимо машин. В первый раз я оказался ближе к автомобилю, выступая в качестве стены для Хаджикано, так что она не промокла. Но после второго мы так вымокли, что раскрывать зонтик вообще казалось дурацкой идеей. На третий раз мы уже ничего по поводу этого не думали. Но я так и не выпустил из рук зонт, и только прижался к Хаджикано. Дождь размывал окружающие нас предметы, и я мог даже забыть о родинке,

уверенный, что никто не смотрит. Вот бы мир всегда был таким, думал я. Жизнь становится только сложнее, когда видишь некоторые вещи чётко. Если бы мир был чуть более тусклым и расплывчатым, может, люди стали бы чуть справедливее судить окружающих, лишённые возможности опираться на то, что видят их глаза. «Вот здесь», – произнесла Хаджикано, и я остановился. По обе стороны от калитки под тяжестью капель дождя раскачивались цветы гортензии разных цветов. Очевидно, это и был её дом. «Спасибо за то, что сопровождал меня», – склонила она голову. «Но от зонтика не было никакого смысла, хах. Мы выглядим так, будто только что из реки вынырнули». «Да всё в порядке. Было весело». Хаджикано открыла дверь, но вдруг вспомнила о чём-то и обернулась. «Может, переждёшь внутри?»

«Спасибо, но нет. До моего дома бегом совсем недолго». Я же не мог сказать, что сомневаюсь, будут ли её родители рады тому, что она пригласила войти мальчишку с отвратительной родинкой на лице, назвав его своим другом. «Ладно... Надеюсь, это будет честно», – она почесала пальцем подбородок. «Конечно. До завтра». Когда я повернулся, чтобы уйти, Хаджикано вцепилась в мой рукав. Она шепнула мне на ухо: «Ты не злишься?» «Ни в жизнь. А ты?» – спросил я её в ответ. «Я вообще не злилась», – и она отпустила меня, а в её взгляде читалось облегчение. «Счастливо оставаться». «Ум-гу. Береги себя». После расставания дождь сразу как-то поутих и меньше чем за пять минут прекратился вообще. Но я особо не думал о чём-то вроде: «Если бы я посидел в школе ещё немного, то не промок бы совсем». С того случая, как бы незначителен он ни был, наша дружба стала крепчать. Например, мы начали ходить в школу вместе. Каждое утро я заходил за Хаджикано. Проходило не больше дести секунд после того, как я нажимал на кнопку звонка, и она выходила. Когда дверь открывалась, до меня всегда доносился необычный запах. Каждый дом пахнет по-своему, но запах, что исходил из дома Хаджикано, делал меня чуть счастливее (почему-то я считал именно так). Я думал, что если бы счастье имело свой аромат, то он был бы примерно таким. Хаджикано надевала туфли, проверяла, всё ли в порядке, и никогда не забывала крикнуть родителям в гостиной, что она ушла. С первого взгляда её одежда казалась достаточно взрослой, и можно было заметить, что она выглядит более изящно, чем любые другие вещи, которые продаются в округе. Мне было любопытно, относится ли к ней её мама, как к разодетой куколке. Любой, имея подобную дочь, испытывал бы желание пройтись по магазинам. Я приходил к Хаджикано каждое утро, но никогда не заходил дальше входной двери. Если бы я сказал, что хочу войти, она наверняка позволила бы. И если бы она пригласила меня, я бы так и сделал. Но необходимости пока не возникало. На самом деле мне казалось, что если мы сможем спокойно заходить домой друг к другу, наши отношения только упадут в цене. И поэтому я никогда не видел её родителей. Я решил, что если они никогда не узнают, что их дочка дружит с кем-то настолько противным, им не будет больно. Почему я так трясся о нашей с Хаджикано дружбе? Может, я просто не хотел, чтобы эта хрупкая телепатическая связь между нами обуславливалась лишь нашей близостью. Другими словами, я хотел, чтобы наши отношения можно было описать словами: «...Но всё же мы понимаем друг друга», – вместо: «...Поэтому мы понимаем друг друга». Чем дальше люди находятся друг от друга, тем ощутимее становится связь между ними. Хотя ничего особо и не изменилось, прийти домой к Хаджикано впервые за четыре года было так же сложно, как прийти домой к абсолютно незнакомому человеку. Этот тёмный деревянный домик в традиционном японском стиле неплохо содержался, но с течением времени кое-где неизбежно появились пятна и трещины. Когда я позвонил в дверь, на сердце стало только тяжелее. Я расправил рукава рубашки, ожидая ответа, но никто так и не откликнулся. Я позвонил во второй раз и опёрся на косяк. Рядом с дверным звонком висела табличка, на которой были выведены имена всех членов семьи. Огромное дерево в саду облюбовали цикады, и их стрёкот, доносившийся с кроны, казалось, раскачивает ствол. Я решил, что, возможно, в тот ненастный день они нашли укрытие здесь. Мне хотелось потянуться в сумку за сигаретой, но я не мог быть уверен на сто процентов, что мама Хаджикано не откроет дверь в ту же секунду, как я закурю. Поэтому я терпеливо ждал под палящим солнцем, пока кто-нибудь покажется. Наконец я услышал,

как кто-то спускается по лестнице. Девушка лет двадцати открыла дверь. Её волнистые каштановые волосы были спутаны, лицо измазано в косметике, а рубашка ужасно измята – она создавала впечатление неряшливого человека. На секунду я подумал, что эта заспанная девушка и Хаджикано как-то связаны, предположил, что это её подруга, но потом вспомнил список имён на табличке. Скорее всего, это её старшая сестра. Она протёрла глаза и сонно произнесла: «Чего тебе?» «Юи Хаджикано сейчас дома?» «Кто знает. Может и так, – она сладко зевнула и вгляделась в меня. – Ты её парень?» «Нет», – твёрдо заявил я. «Тогда сталкер?» «Просто друг. Мы вместе учились в начальной школе». «Друг, ха, – насмешливо сказала она и почесала затылок. – Если вы с Юи давние друзья, то ты тем более не должен видеть её сейчас. Не знаю, как объяснить, короче, Юи Хаджикано, которую ты знал, здесь больше нет». «Да, я понимаю, – кивнул я. – Поэтому я и пришёл сюда, чтобы кое-что прояснить». «Скажи сейчас. Я передам ей, что это от тебя». «Мне хотелось бы поговорить с ней напрямую. Хотя бы скажите ей, что Ёсуки Фукамачи пришёл с ней повидаться». Она только покачала головой. «Прямо сейчас Юи не хочет никого видеть».

«И это мне тоже известно. Однако я хочу встретиться с ней именно потому, что она этого не хочет». Повисла тишина. Взглянув на эту девушку, можно было понять, что она всё взвешивает. «Ну ладно, – фыркнула она, – мы и так уже намучились с ней. Ёсуке, да? Если думаешь, что сможешь что-то сделать, то вперёд! Хотя я очень в этом сомневаюсь».

«Спасибо вам огромное». Я снова взглянул на дверную табличку. Рядом с именем "Юи", было написано: «Ая». Ая Хаджикано. Так её зовут. «Я проспала целый день. Я уже вечность не брала отгул». Провожая меня, Ая призналась, что спит с самого полудня. «Я застряла в лаборатории почти на полмесяца. Прошлой ночью всё устаканилось, и я подумала, что теперь смогу спокойно выспаться... А потом появился ты. Прямо-таки подорвал меня».

«Извините», – я должен был попросить прощения. «Дал бы мне отдохнуть хоть денёк. Не мог ты подождать пару дней?» «Не мог». Внезапно она принялась ко мне: «От тебя пахнет дымом. Разве ты не в старшей школе?» «У меня вся родня курит. Скорее всего, поэтому». «Знаешь, мне не охота обсуждать твои проблемы». Поднявшись по лестнице, Ая остановилась у двери. «Это комната Юи, – сообщила она мне. – Хвост не поджал ещё?»

«Конечно нет». Ая постучала: «Юи! Ты же там?» Ответа не последовало. «Так сложились обстоятельства. Мне нужно, чтобы ты открыла, – она продолжила колотить в дверь. – У тебя минута, и я открываю дверь. Это не пустая угроза, я её правда открою. Дошло?»

Как и ожидалось, нет ответа. Ая досадливо щелкнула языком, чтобы было слышно за дверью. «Игнорирует меня. И так со всей семьёй». Мне сложно было даже представить, как Хаджикано, которую я знал, игнорирует своих родственников. То, что она кардинально изменилась, стало ясно по истечении десяти минут после нашей встречи прошлой ночью, но, услышав об этом от её сестры, я признал, что всё приняло несколько другой оборот. Кто же знал, что когда-нибудь настанет день, когда нашу Хаджикано будут считать обузой? Я продолжил сверяться с часами, но на 52 секунде Ая сказала: «Я вхожу», – и открыла дверь. А она сильна, поражённо подумал я, следуя за ней. Я и не сомневался, что она сможет распахнуть её, даже закрытую. Комната выглядела отталкивающе: в ней было невообразимо темно для середины дня, крайне жарко и душно. Шторы были задернуты, все светильники выключены, но из коридора пробивалось достаточно света, чтобы что-то разглядеть. Комната Хаджикано была полностью выполнена в японском стиле, что необычно для девочки-подростка, и слегка пахла тростником. Хаджикано лежала на футоне спиной к нам. На её худых плечах болтались лямки от серой майки, тонкие хлопчатобумажные шорты совершенно не скрывали, насколько бледны её ноги, а блестящие чёрные волосы рисовали на простынях плавные кривые. Просто взглянув на неё сзади, я увидел ту её красоту, которая достигла своего пика, но продолжила расти, не ограничиваемая ничем, кроме одного изъяна.

Дверь позади меня закрылась. Я обернулся и увидел, что нас оставили одних. Ая была ужасно деликатна. «Что это такое?» – произнесла Хаджикано и обернулась, уверенная в том, что в комнату заходила только её сестра. «Это я». Повисла тишина.

Нахождение в тёмной комнате посреди лета навевало воспоминания о том, как нам в младшей школе в спортзале показывали фильм, занавесив окна. Я совершенно забыл, о чём он был, помню только, что в сценах без звука присутствовало постоянное жужжание. Когда фильм закончился, занавески сняли, и сквозь окна внутрь полился свет... Шведская стенка, баскетбольное кольцо, футбольные ворота, волейбольный мяч, застрявший в обшивке под потолком – я будто видел это впервые, хоть всё и казалось знакомым. Будто темнота и фильм сговорились перекрасить реальность. Монотонное пение цикад прекратилось будто бы по команде. Хаджикано устало перевернулась на другой бок и взглянула на меня, словно на солнце. Её волосы прилипли к щеке и рассыпались по майке, но она не обратила на это никакого внимания. Было сложно разглядеть что-то в темноте, но родинка на лице оставалась неизменной. Хаджикано вяло поднялась и подошла ко мне неуверенной походкой. Она остановилась так близко, что мы могли ощутить тепло, исходящее от наших тел.

Она медленно протянула руку и дотронулась до моей щеки. Её холодные нежные пальцы касались меня чуть ниже глаза. Она ощупывала это место снова и снова, пытаясь отыскать то, чего там уже не было. Может, она решила, что если продолжит, то ненастоящая кожа сойдёт и откроет точно такое же родимое пятно, что есть и у неё. Сначала она просто мягко поглаживала, но теперь напрягала пальцы всё сильнее. Внезапно я ощутил жжение. Я быстро понял, что она впилась в мою щеку ногтями. Когда моё лицо исказила боль, Хаджикано одёрнула руку, придя в чувство. Она отступила на пару шагов и рухнула на татами. Яркая полоска, пробивающаяся сквозь занавески, осветила ту половину её лица, на которой отметины не было. Я заметил маленькую точку у неё под глазом. Послышались всхлипы. Хаджикано сидела на коленях, растопырив ноги, и плакала, стараясь не издавать ни звука. Я сильно сомневался, что она плачет из-за того, что сделала мне больно. Я покорно ожидал, пока её рыдания прекратятся. Я не придумал ничего лучше, чем просто ждать. Я коснулся царапины и почувствовал кровь на пальцах. В комнате было невыносимо душно, и я распахнул окно, оставив шторы закрытыми. Я понимал её стремление остаться в темноте: она находила в ней то же утешение, что и я во время сильных ливней. Занавески всколыхнулись, и внутрь ворвался прохладный ветерок, зашелестев страницами блокнота, который лежал на столе. Хаджикано встала, закрыла его и убрала в ящик. Она немного порылась в нём, взяла что-то и подошла ко мне. Я был готов к чему угодно, но в её руке оказался всего лишь пластырь. Она осторожно наклеила его поверх моей царапины и тихо сказала: «Прости». Я почувствовал, что сейчас она готова выслушать меня. «Я слышал, что ты не приходишь в школу, потому что не хочешь находиться со мной в одном классе. Это правда?» «Да, – ответила она, успокоившись. – Раз ты уже знаешь, тем лучше. Я не желаю видеть твоё лицо, Ёсукэ. Пожалуйста, уходи». Я подготовил себя к подобному, но от столь резкого заявления у меня перехватило дыхание. «Ты можешь хотя бы сказать мне, почему?» «Нет особой причины. Это не твоя вина. Я просто решила возненавидеть тебя». Она практически выплёвывала слова. Но я не хотел сдаваться. «Почему ты попыталась сделать то, что сделала прошлой ночью?» Ответа на мой вопрос не последовало. «Всё из-за этого?» – спросил я. «Тебе необязательно это знать, – произнесла Хаджикано. – ...Ты вылечил свою родинку. Это хорошо. Что ж, до свидания». Её слова не были направлены на то, чтобы ранить меня, но от них у меня в сердце закололо. К тому же, слово "вылечил" сюда совершенно не подходило. Я повернулся к Хаджикано спиной и уже собирался покинуть комнату, но прежде чем сделать шаг за дверь, я спросил у неё напоследок: «Эй, Хаджикано, ты помнишь, что ты сказала о моей родинке в младшей школе?» Она медленно покачала головой: «Нет». Этим словом она разбила вдребезги это святое воспоминание, и я буквально вылетел прочь из комнаты. Ая ждала меня снаружи и смотрела на меня, будто спрашивая: «Ну, как прошло?» Я обессиленно мотнул головой. Она пожала плечами, а взгляд ответил: «Разве я не говорила?»

Я и Ая сидели на крыльце и курили. «Ужасает, правда? – сказала она. – Это пятно вдруг появилось зимой, когда она училась на втором году в средней школе. Юи полностью изменилась с тех пор. Летом третьего года... она начала прогуливать занятия. Она не так много пропустила, чтобы не выпуститься, но ей пришлось смириться с тем, что ей придётся учиться в школе намного хуже желаемой. Подобные взлёты и падения показывают, как много значит внешность для людей». Зима, второй год в средней школе... – повторялось в моей голове. Даже если женщина из телефона видела будущее и знала, что я соглашусь на пари (или вернулась назад во времени, чтобы взять залог), наклеить родинку на лицо Хаджикано за полтора года до сделки было бы слишком рано. Возможно, все мои мысли по поводу того, что пятно передалось от меня к ней – сплошное заблуждение. «Не нужно больше ей досаждать, – Ая затушила сигарету в блюдце со спиралью от комаров. – Может, вы и были раньше хорошими друзьями, но от прежней Юи осталась только оболочка. Встречи с ней только лишь разрушат твои светлые воспоминания». «Иди, когда закончишь», – сказала она мне и ушла. Я скурил ещё сигарету, бросил обе на блюдце, осторожно коснулся лейкопластыря и направился прочь оттуда. По пути домой я услышал звон из телефонной кабинки на углу улицы в жилом районе. Теперь это даже не удивляло. Я зашёл туда и ответил на звонок.

«Алло?» «Итак, каковы твои мысли после встречи с Хаджикано? – спросила женщина. – Способен ли ты полюбить её такую, какая она сейчас – отвратительную?» Я хлопнул трубкой и вышел. Могу ли я любить безобразную теперь Хаджикано? Конечно могу. Как будто я влюбился в неё просто за то, как она выглядит. То, смогу ли я полюбить её с родинкой – не основная проблема. Главная загвоздка в том, сможет ли она полюбить меня без неё. Из динамиков по всему городу доносилась мелодия, которую играют каждый день в 5 вечера, на мотив Русалочьей Песни. До заката оставался час или чуть больше. Вокруг верхушек деревьев сновали вороны, и ободряюще трещали цикады. Какой-то кучке детей объясняли правила пожарной безопасности. Я понял, что если подумать, то всё, что происходило прежде, кажется необычным. Дружба с Хаджикано является результатом обыкновенных совпадений, поэтому в действительности довольно естественно, что она так ко мне относится. Даже мысль, что я могу её любить и такой, не сможет утешить Хаджикано так же. Думая, что она "принадлежит мне", я показываю лишь неосведомлённость о текущем положении вещей.

Казалось, я вполне мог оправиться от её отказа. Эта мысль заставила меня ощутить себя совершенно бесхребетным. Некогда сверкающее прошлое сменило свой цвет: я столько всего повидал в одиночку, и для Хаджикано никогда ничего не значил как друг. Вся моя самоуверенность испарилась в один миг, и я почти отчаялся выиграть в этом споре. Конечно, конечно, я знаю, что вы пытаетесь мне сказать. Исчезновение моей родинки не воплотит мою мечту в реальность. Это не так просто. Это лишь игра, в которой я не смею даже надеяться на победу. И я осознавал это, когда соглашался на пари. Но если взглянуть с другой стороны, всё может пойти по-другому: показав свою беспомощность во всей красе, в обмен я получил замечательный шанс. На данный момент моё положение в школе не такое уж и плохое. Если я построю крепкие доверительные отношения с Чигусой и Нагахорой, то, возможно, смогу сохранить эту связь, когда моё родимое пятно всё же вернётся. Да, это просто идеальная возможность. Та женщина сказала, что крайний срок – 31 августа. Так что мои страдания откладываются почти на месяц. Я получил достаточно времени. Я представил себе, как Чигуса и Нагахора принимают меня даже с родинкой на лице и я наконец могу забыть о ней и беззаботно смеяться со своими одноклассниками. Подобное будущее не так уж и ужасно.

Я был наивен. Когда женщина из телефона объясняла условия пари, она – возможно, намеренно – не упомянула об одном важном моменте. Она ничего не сказала по поводу

наказания, которое я получу, если проиграю. Она знала, что если расскажет это, я не буду с ней сотрудничать. Вспомним историю о русалке. Не о русалке Агохамы. Не о Яо Бикун. О сказке Ганса Христиана Андерсена. Его жизнь была полна горя и разочарований, и в его ранних работах у него особенно ярко проявляется тенденция писать трагедии, которые оканчиваются смертью главного героя. "Русалочка" – наглядный тому пример. С точки зрения самого Андерсена в то время, его талант был малоизвестен и находился в упадке, поэтому неудивительно то, что в этой сказке смерть изображается единственным спасением. Столь пессимистичный взгляд на мир несомненно отразится на работе. Насколько я помню, история о Русалочке начинается так: На своё пятнадцатилетие русалка впервые всплывает на поверхность моря и влюбляется в принца на корабле. Им запрещено показываться перед людьми, но она не хочет отказываться от своей любви к нему. Поэтому она приходит с просьбой к ведьме и в обмен на свой прекрасный голос обретает человеческое тело. И ведьма предупреждает её: «Если принц женится на другой девушке, ты превратишься в морскую пену». Разве я не нахожусь в похожем положении? И как закончится эта сказка о Русалочке? Это пусть пока остаётся без ответа.

<http://tl.rulate.ru/book/9410/183368>